

Штрих к «ВПК»¹ (I)

— Видите ли, Майкл, — задумчиво сказал Нелсон Грин, наблюдая за тем, как внуки кувыркались в бассейне, выложенном красным туфом, привезенным из Турции, — всякое ощущение верно как ощущение. Другое дело — суждение об ощущении. Оно может быть истинным или ложным... Я запомнил лекцию профессора Митчела, вы еще тогда были ребенком, а не заместителем директора Центрального разведывательного управления... Митчел говорил, что если весло, погруженное в воду, кажется сломанным, то ощущение в этом случае верно, поскольку наблюдающий испытывает именно это ощущение. Но если в силу этого он станет утверждать, что весло действительно сломано, то суждение окажется ложным... Ошибки людские, дорогой Майкл, заключаются не в ложных ощущениях — бог с ними, с ощущениями, — а в ложном суждении...

Нелсон Грин прищурился, глаза его, маленькие, словно капельки воды, были спрятаны под седыми бровями; на заседаниях Наблюдательного сове-

¹ «ВПК» — военно-промышленный комплекс.

та его корпорации «Ворлд'з дайамондс» секретари и стенографисты никак не могли понять — смотрит старик или спит с открытыми глазами.

Майкл Вэлш улыбнулся:

— Значит, мое ощущение, что земляника, которую нам сейчас давали, пахнет травами Техаса, верно?

— Это не ощущение. Это суждение, Майкл, и суждение ложное. Земляника, которую нам давали, не может пахнуть травами Техаса, там еще холодно; она пахнет Африкой, мне теперь приходится гонять самолет не в Нагонию, а в Луисбург, а это плохо, потому что земляника там дороже на сорок семь центов и расстояние на сто девяносто два километра дальше, это лишнее горючее, а оно стоит денег.

— Не разоритесь? — спросил Вэлш.

— Могу, — в тон ему ответил Грин. — Крах начинается с цента, а не с миллиона.

— В какой мере вы можете подействовать на Пентагон?

Грин отхлебнул глоток жасминного чая, спросил насмешливо:

— Вы имеете в виду доставку земляники на их транспортных самолетах? Думаю, подействовать можно. Но подо что? Есть идеи?

— Есть. Но мне необходима поддержка Пентагона.

— Этот вопрос мы решим. А государственный департамент? С ними обсудили ваши соображения?

— Рано. Их надо включать в последнюю очередь, иначе возможна утечка информации. Наши диплома-

ты стали много пить... Профессиональная болезнь — цирроз печени, я исследовал заключения врачей, выборочно, по трем нашим посольствам: семьдесят процентов чиновников — хронические печеночники...

— Не хитрите, Майкл, не надо. Вы прекрасно знаете, что мои интересы небезразличны нескольким славным парням из Государственного департамента; если я потерял в Нагонии что-то около трехсот миллионов, то они расстались с парой сотен тысяч, а для них и это — деньги...

— Нелсон, поверьте, Государственный департамент сейчас включать еще рано. Если мы сделаем то, что планируется...

— Не спорьте со стариком, — перебил Грин. — Посол по особым поручениям — мой акционер, и он будет говорить то, что ему напишут в моем секретариате. Не отказывайтесь, Майкл, это неразумно. Лучше скажите-ка мне, что у вас за наметки, быть может, я смогу вам пригодиться — хотя бы в качестве советника.

— Наметки занятные. У нас есть агент в Москве. Весьма информированная личность. Следовательно, мы планируем не в *темноте*, мы имеем возможность рассчитывать свой ход, зная возможный встречный ход Кремля. Понимаете? Такого агента у нас еще ни разу не было, Нелсон, поэтому я убежден в успехе.

— Постучите по дереву.

Вэлш постучал пальцем по голове.

— Лучшая порода, — сказал он. — Словно кедр... Так вот, поскольку мы имеем такого человека, удар надо нанести как можно раньше, мы всегда проигры-

вали оттого, что были лишены *суждений* — сплошные ощущения.

— Неплохо вывернули, — заметил Грин. — Во всем люблю законченность, а высшая форма законченности — круг. Что я должен обговорить с Пентагоном?

— Необходимо, чтобы флот был передислоцирован к берегам Нагонии в тот день и час, когда начнется наша операция. Необходимо, чтобы авиация была готова к переброске туда десанта — тысяча человек, не более того, зеленые береты умеют работать четко и точно. Это все.

— Если я понял вас правильно, вы вводите флот и авиацию на последнем этапе? Акция устрашения, так?

— Так.

— Посол по особым поручениям, в котором заинтересован я *лично*, будет включен немедленно?

— Я бы не хотел этого, Нелсон, но если вы настаиваете...

— Спасибо. Когда это может произойти?

— Через две-три недели.

— Администрация финансирует предприятие?

— Вы же знаете их — крохоборы.

— Что ж, я готов купить акции ЦРУ миллиона на полтора, — усмехнулся Нелсон Грин. — Даже на два: слишком явной становится тенденция на сотрудничество с Кремлем. Вена... ОСВ-2... Так что полагаю, ударить в Нагонии — целесообразно. Хотите еще земляники?

— С удовольствием. Только нагонийская мне нравится больше — *à rgoros...*

Степанов

«Джордж Гриси на фотографиях кажется очень высоким — это неправда. Он небольшого роста, очень худощав, но, несмотря на это, малоподвижен — голову поворачивает осторожно, словно опасаясь увидеть что-то жуткое.

Когда я сказал ему об этом впечатлении, Джордж Гриси медленно, преодолевая неведомую и невидимую тяжесть, ответил:

— У вас правильное впечатление, потому что я только год как снова научился ходить. Всякое резкое движение не просто приносит мне боль, — я боюсь свалиться в госпиталь, а по нынешним временам я не имею на это права.

И он рассказал мне, отчего всего лишь год назад снова научился ходить.

— Во время партизанской войны, когда победа народа ни у кого уже не вызывала сомнений — мы наступали на столицу стремительно, — епископ Фернандес прислал мне письмо: он предложил встретиться в моей родной деревне, он готов был приехать туда один, в любое время, и попробовать договориться о поэтапной передаче нам власти.

Мы обсудили этот вопрос на заседании Бюро: все-таки Фернандес раньше занимал позицию нейтралитета, а это не совсем достойная позиция для служителя церкви Христовой, которая призвана быть на стороне бесправных и обиженных. Тем не менее, я настоял на встрече: мне казалось,

что Фернандес должен помнить о своем детстве, о том, как и ему пришлось испить чашу унижений, пока миссионеры не увезли его, маленького негр-тенка, в Рим.

Мой брат Хулио поднял батальон охраны и передислоцировал его к месту встречи — мы понимали, что колонизаторы знают об этом послании, от них можно ждать всего, даже если учесть, что Фернандес был честен в своем желании добиться мира.

Он и был честен, как оказалось.

Но в мою деревню — ночью, часа за два перед тем, как из джунглей вышел батальон Хулио, — высадились коммандос. Они собрали всех жителей, спросили, кто самый маленький, им назвали новорожденную Роситу, и они прокололи ее штыком на глазах у людей. Потом они увели половину жителей в лес, а оставшимся сказали, что, если те промолвят хоть слово о том, что они — рядом, все семьдесят заложников будут убиты.

«Примите тех, кто придет к вам, — сказали они, — дайте им поговорить, дайте им разойтись, тогда мы вернем ваших людей в целостности и сохранности. Если нарушите приказ и признаетесь, что мы здесь были, переколотим всех — вы видели сами, мы умеем это делать, младенцу не больно, он еще ничего не понимает...»

Тогда мать Роситы закричала, что ребенок все чувствует, но они заткнули ей рот, пробили грудь коротким острым штыком, а людей увели в джунгли.

Когда Хулио пришел из джунглей, он не стал выставлять посты в деревне, потому что Фернандес предупредил: «Власти гарантируют безопасность нашей встречи, если ваши войска останутся на своих позициях, только в этом случае они пропустят меня через кордоны на дорогах».

Понятно, что вся моя семья, все, даже дальние родственники, были среди заложников. Наивные люди полагали, что, выполнив приказ колонизаторов — молчите и мы вернем ваших, — они сохраняют жизнь моим детям, матери и сестре. Что делать, наши люди добры и запуганы, а обет молчания был подкреплён кровью маленькой Роситы и ее матери.

Да, я понимаю, вы проецируете нашу ситуацию на историю вашей войны, но учитите, пожалуйста: люди в России к тому времени были грамотны, читали книги, смотрели фильмы, следовательно, умели отличать белое от черного. Ваши люди прошли школу патриотизма — за ними был опыт труда и борьбы. А что вы хотите от моего народа, который никогда не знал, что такое государство, свое государство?!

Словом, пришел Фернандес, мы с ним встретились, и все шло нормально. Его предложения могли бы стать основой для переговоров. Мы разработали совместную декларацию — он и я, и никого больше, он ведь сам просил об этом, а потом в деревню тихо вползли командос. Я даже не имел оружия — как же не верить епископу, ведь его условием были мирные переговоры.

...Сначала они начали пытаться Фернандеса. Они требовали от него одного лишь признания: «Я получал деньги от коммунистов, и они приказывали мне призывать народ к междоусобице и непослушанию». Он отверг их подачку — жизнь, он достойно держал себя, епископ Фернандес, несмотря на то что они жгли ему ступни углями и втыкали раскаленные иглы под ногти.

Потом они принялись за меня. Они связали мне руки и ноги и подвесили к дереву — я был словно ныряльщик, сиганувший со скалы в море. Но я был очень сильный, и я бы выдержал эту пытку, которую они называют «ласточка», и они поняли, что я могу долго держаться. Тогда они привели мою мать, раздели ее и сказали, что сожгут сейчас же, на моих глазах, если я не отрекусь от моего дела и не расскажу, по какой дороге в джунглях можно подойти к нашему штабу. Я не мог сказать им, вы должны понять меня. Я молчал. Когда они повалили маму и облили ее бензином, я сказал, что каждый из них заплатит жизнью за это злодеяние. Я предложил им казнить меня самой страшной казнью — ведь я же ваш враг, а не старая женщина. Они ответили, что старуха родила бандитов без сердца, раз сын готов принести мать в жертву своим бредовым идеям. Когда они бросили на маму спичку, я стал биться и кричать, а мама просила меня: «Сынок, сынок, ты же сломаешь себя, сынок, не надо!»

Джордж Грисо медленно поднялся из-за стола, подошел к шкафу, открыл его, достал несколько фотографий.

— Вот, — сказал он, — посмотрите, это моя мама. Ее сфотографировали в старости уже. Когда она была молодой, мы не знали, что такое фотоаппарат, мы впервые увидели карточки только лет десять назад. Посмотрите, а я пока позвоню по телефону...

(Не нужно было Грису звонить по телефону. Просто он не мог дальше говорить, да и мне, признаться, невозможно было слушать дальше.)

— Я все-таки хочу дорассказать, — откашлявшись, продолжил Гресо. — Это очень важно — рассказать все, потому что тогда, быть может, люди в других странах поймут, отчего мы дрались семь лет, теряя братьев, отцов и матерей, и почему мы сейчас будем драться — до последнего. Мы слишком много приняли за нашу свободу, чтобы легко и без смертельного боя отдать ее. Я хочу, чтобы об этом знали все, — вот почему я обязан рассказать вам...

Он закурил, отхлебнул воды и продолжил:

— Потом они привели моего сына, Валерио. Они и его раздели, вернее, не раздели, а сорвали с него рубашку, а это был мой подарок мальчику, и он очень гордился этой рубашкой хаки, перешитой из куртки моей жены. Он очень кричал, он тянул ко мне руки и повторял: «Папочка, спаси меня! Спаси же меня, папочка!»

Епископ Фернандес проклял палачей, и тогда один из командос разрядил в него обойму автомата. А другой пробил голову Валерио прикладом, облил его — бездыханного уже — бен-

зином и, опустившись на колени, щелкнул зажигалкой.

Хулио услышал очередь. Он ринулся в деревню. Последнее, что я помнил, это автомат, направленный мне в живот. Коммандос щекотал меня автоматом, он водил им по коже, как травинкой, и все время повторял: «Ну посмейся же, посмейся, Джордж, ты так весело смеешься, очкастый». А потом он нажал на курок, и я очнулся лишь через два месяца в госпитале. А через три месяца партизаны вошли в Нагонию. Вот потому-то я так медленно поворачиваюсь и с таким трудом хожу. Обидно, конечно, в тридцать шесть лет быть инвалидом, но стрелять я умею по-прежнему, и по-прежнему перо слушается меня.

Он добро улыбнулся горькой, несколько отстраненной улыбкой человека, познавшего смерть, и закончил:

— Я готов ответить на все ваши вопросы, касающиеся ситуации в стране, но только сделаем мы это на следующей неделе: сейчас я улетаю на границу, Огано подтянул туда все свои банды, вопрос нашей государственности, то есть вопрос будущего, сейчас будет решаться на поле боя. Мне кажется, никакие силы не остановят Марио Огано, за которым стоят ЦРУ и Пекин, от удара по нашей родине. Мне кажется, что парламентский исход невозможен. Я тем не менее готов пойти на переговоры с ним, и опять без оружия. Я пойду на переговоры с ним спокойно, потому что убить он сможет только меня, а это совсем

не страшно — погибну за родину. Простите за патетику, но я говорю то, что чувствую, всякое иное слово будет отдавать фальшью.

*Спецкор Дмитрий Степанов,
передано по телефону из Нагонии.*

Для редактора: прошу материал не резать — не надо «щадить» читателя изъятием описания того ужаса, который перенес Гресо. Если дать сто строк, выхолощенных и приглаженных, то лучше вообще не печатать. Вылетаю домой в следующую субботу. Привет всем. Д. С.»

...Посол прочитал репортаж Степанова и спросил его:

— Неужели рука поднимется резать?

— Еще как, Александр Алексеевич.

— Чем вы это объясните?

— Нашим характером. Мягкостью, что ли, а точнее — деликатностью. Но этакая деликатность порой хуже воровства... Вы передачи против алкоголиков видели по телевидению?

— Как-то не приходилось, Дмитрий Юрьевич.

— Советую посмотреть. Вместо того чтобы экранизировать Липатова, есть у него повесть «Серая мышь», история гибели таланта, или снять ленту о том, как умер Модест Мусоргский, мы гипнотизера на экран пускаем, зрители фокуса ждут, а фокуса нет, он же алкоголик в клинике усыпляет, а потом — усыпляет ли, это еще надо доказать. Жесткое «нет» лучше расплывчатого «может быть»...

— Черт его знает... Пропаганда — одна из форм политики, — жестокость здесь штука опасная.

— Вы имеете в виду внешнюю политику? Согласен. Но я-то говорю о принципе, о том, что режут, чего боятся. Ладно, поплакался, и будет... Чего ждать, Александр Алексеевич?

— Грисио, боюсь, прав: на переговоры Огано не пойдет — ему не с чем идти, он же марионетка, он *сделан*. От него ждут только одного — путча. Весь вопрос в том — когда? Если бы Грисио имел хотя бы полгода в запасе — ему не страшен ни Огано, ни десять подобных Огано... Горький это, видимо, сюжет: нехватка времени; не человеку — стране... Тем не менее, я что-то никак не возьму в толк американцев — по-моему, они глупят с Огано. Они здесь ведут себя как аналитики — в чистом виде: «треугольник — есть трехсторонняя фигура». И все. Но ведь это низшая ступень мышления, она не перспективна. Синтетическое мышление тем и отличается от здешнего, аналитического, что оно обязательно вводит некий атрибут, который хоть и не заключен в понятие о предмете, но тем не менее помогает предмет понять объемнее, *наперед*: «прямая — есть кратчайший путь между двумя точками»... Без этой философской азбуки они дров наломают. Что б им шире подумать, право слово?! Тогда б, глядишь, не затевали здесь драку. Так что репортаж обозначен дорогим моему сердцу синтезом: вы помогаете понять, отчего здесь будут стоять насмерть. Сказать априорно — ничего не сказать в наш век; победит тот, кто лучше информирует, а информация обязана идти не

только из головы, но из сердца тоже... Когда собираетесь в Москву?

— В субботу, Александр Алексеевич... Но это не надолго, я управлюсь за три-четыре дня.

— У редактора будете?

— Непременно.

— Поклон от меня передайте. Я черкану ему письмо — в вашу поддержку, Дмитрий Юрьевич.

«Весьма секретно.

Москва, Кремль.

Правительство Республики Нагонии просит оказать срочную экономическую помощь. Мы окружены государствами, в которых проамериканские и маоистские группировки объявили открыто об экономической блокаде. Существует угроза прямой военной агрессии. Если мы не получим советскую помощь — судьба нашей революции обречена.

Джордж Грисио, премьер-министр».

«Совершенно секретно.

Москва.

Ознакомившись с положением на месте, полагаю, что те три советника, которые прибыли вместе со мной, не смогут оказать действенной помощи, ибо колониализм оставил здесь в наследство абсолютное культурное безлюдье. Кадров инженеров, врачей, агрономов в Нагонии практически нет, не говоря уже об офицерах. Вылазки реакции повсеместны и ежечасны. Если мы намерены оказать помощь стране, где сорок процентов населения больны туберкулезом, семьдесят — трахомой, девяносто восемь процентов — неграмотно, тогда необходима срочная командировка сюда по крайней мере трехсот, пятисот советников, которые бы не сидели в нашем посольстве, а работали в порту, учили обращению с тракторами, оказали помощь

в организации медицинской помощи. Размещать советников негде, потому что бывшие хозяева отелей вывели из строя всю канализацию, электростанция стоит, бензохранилища пусты.

Посол СССР в Нагони А. Алешин».

«Совершенно секретно.

Пекин.

Русские начали переброску советников в Нагонию. Генерал Марио Огано по нашей рекомендации запросил военную помощь непосредственно в луисбургском посольстве США. Работа по подготовке выступления портовых грузчиков с бойкотом разгрузки советских поставок продолжается и, видимо, даст ощутимые результаты в течение ближайших недель. На поддержку полковника Абабе из ВВС Нагони, преданного нам, необходимо триста тысяч долларов.

Посол КНР в Нагони Ду Ли».

«Центральному разведывательному управлению США.

Подготовка к операции «Факел» практически завершена. Однако по сведениям, поступившим из проверенных источников, можно предполагать, что создание воинских формирований Нагони закончится значительно раньше намеченного нами выступления. В этом случае проведение операции может встретить ряд трудностей организационного характера, как то: необходимость нашего десанта и введение спецподразделений. Наши источники предполагают также, что в ближайшее время русские поставят Нагони большую партию грузовиков и сельскохозяйственной техники, что ощутимо повлияет на возможность поддерживать там состояние экономической неустойчивости. Учитывая стратегическую важность операции «Факел», мы крайне заинтересованы, если это возможно, в запросе агента «Умный» о масштабе предстоящих русских поставок, что позволит нам уточнить характер нашей операции и сроки ее проведения.

Роберт Лоренс, резидент ЦРУ в Луисбурге».

Из выступления американского посла по особым поручениям:

— Социальная справедливость, демократия, правопорядок — лишь этого добиваются те патриоты Нагонии во главе с генералом Огано, которые ныне подвергаются бесчеловечному обращению со стороны правительства Грисо. Моя страна никогда не вмешивалась и не намерена вмешиваться во внутренние дела иных государств, однако я не могу не сказать с этой высокой трибуны, что общественность Соединенных Штатов внимательно следит за развитием событий в этой африканской стране. В то же время слухи, распространяемые в прессе стран советского блока о том, что якобы Соединенные Штаты имеют какие-то контакты с Пекином по проведению подрывной работы против нынешнего правительства Нагонии, лишены каких бы то ни было оснований и являются клеветническим вымыслом...

Темп

45225 66167 85441 96551 81713...

Константинов улыбнулся Панову, тот положил перед ним таблицу.

— Сколько всего за этот месяц они ему передали?

— Совершенно невероятное количество — это четвертое. Но отчего так категорично — «ему»? Может, «ей».

— Жаль будет, коли «ей». Все равно расплата одинакова. Но уж больно мужские созвучия в цифрах — не находите?

— «Мужские созвучия в цифрах». Занятное определение. Между прочим, точное, товарищ генерал.

— Значит, полагаете, без ключа эти радиограммы расшифровке не поддадутся?

— Вот, поглядите, — Панов положил на стол лист бумаги с таинственными точками, цифрами, тире.

— Похоже на ранних итальянских футуристов, — заметил Константинов, поднялся и отправился к себе — сегодня он дежурил по контрразведке. Суббота, можно поработать с бумагами, доделать все, что накопилось за неделю.

В кабинете на столе, в красной папке лежала последняя шифротелеграмма из Нагони: сообщали, что сегодняшней ночью два советских специалиста были обстреляны сепаратистами из группы Огано; оба отправлены в госпиталь в тяжелом состоянии.

Лежала и синяя папка для особо важных документов, в ней — письмо из советского посольства в Нагони.

Славин

— Драка может начаться в самое ближайшее время, — убежденно повторил Степанов. — И она будет страшной.

— Считаешь, что Огано пойдет напролом? — спросил Славин.

— У него нет другого выхода, Виталий.

— У его хозяев есть.

— Ты убежден, что они смогут его контролировать до конца?

— Абсолютно.

— А я — нет.

— Отчего?

— В тридцать третьем году магнаты верили, что смогут контролировать фюрера. А чем кончилось? Огано — африканский Гитлер.

— У Гитлера была сталь, медь, уголь. А что есть у Огано?

— Нагония — ключевая точка на юге Африки. Если он свалит Грисо, хозяевам придется *растлаться* перед этим мерзавцем.

— А почему ты сорвался оттуда так скоропалительно?

— Сдавать фильм. Если будут какие-то поправки, надо срочно сделать, чтобы не держать копировальную фабрику...

— Получилась картина?

— По-моему — да. Послезавтра улетаю обратно.

— Завидую.

— Сказал «мастер кризисных ситуаций», — усмехнулся Степанов и откинулся на спинку стула.

Здесь, в Доме литераторов, было шумно; давали первую в этом году окрошку: кто-то пустил слух, что дирекция ресторана заключила договор с «домжуром» и теперь станут завозить раков и хорошее бочковое пиво, поэтому оживление среди завсегдатаев было каким-то особым, алчным, что ли.

— Не заключили они договора, — поморщился Степанов и подвинул Славину салат. — Пльзенского пива не будет. И ростовских раков — тоже. В жизни надо довольствоваться тем, что имеешь.

— Снова брюзжишь?

— Нет. Правдоискательствую.

— Прими схиму, — посоветовал Славин. — Очень полезно для творческого человека.

— Ну да, — усмехнулся Степанов и разлил водку по рюмкам. — Схима — это самоограничение, а всякое ограничение, даже во имя свободы, есть форма кабалы.

— Энгельса не переспоришь, Митя: свобода — это осознанная необходимость; отлито в бронзу, дорогой, не трогай...

— Ты меня все еще принимаешь всерьез?

— Перестань писать книги — буду держать тебя за обыкновенного застольного бездельника...

— Не обещаю. Перестать писать — значит умереть, а я очень люблю жизнь.

— Слушай, а если я попрошу стакан вина?

— Но ведь водка — лучше.

— Умозрительно я это понимаю, Митя, только организм не приемлет. Водку я пью лишь в силу служебной необходимости.

— Ты — дисциплинированная ханжа?

Славин усмехнулся:

— Вовсе нет. Теннисист, я, Митя, теннисист.

— Слушай, Виталий, а тебя разозлить можно?

— Нельзя.

— Никогда?

— Никогда.

— Ты — самоуверенный человек.

— Уверенный, так бы я сформулировал, Митя, уверенный. А что касательно ограничения и свободы, я вы-

читал хитрющую концепцию у любопытного философа Бональда. Человек — по его версии — не свободен от рождения, и виною тому — природа, ибо она-то и есть главный наш ограничитель. Человек может стать свободным лишь в том случае, если прилагает к этому максимум усилий. Верно, а? Но занятен вывод: будьте энергичны, тогда вы сможете войти в торговую или строительную корпорацию и станете свободным благодаря тем правам, которые эта корпорация завоевала; служите своей корпорации — и вы скопите состояние; будьте набожны — и церковь станет помогать вам во всех начинаниях; сделавшись богатым и религиозным человеком, вы станете дворянином, а это дает высшие преимущества.

— Прекрасная схема. Приложима к карьеристам.

— Ты ползучий прагматик, Митя. Я не понимаю, отчего трудящиеся читают твои книги. Ты ведь не дослушал меня.

— Не тебя, но Бональда.

— Новое — это хорошо забытое старое. Если я сумел вспомнить, то, значит, именно я вернул современнику забытое старое. Сие — соавторство.

— Ишь ты!

— Так вот... Бональд прекрасно вывернул свою схему. Венец свободы, то есть дворянство, — суть защитный барьер того общества, которое мечтал создать Бональд. Раз ты дворянин, то, значит, бранный металл не должен тебя интересовать более. Дворянство останавливает энергичного плебея в его жажде к постоянному обогащению. Без этой преграды могла водвориться плутократия. Служа наградой за при-

обретение богатства, звание дворянина обязывает к самоограничению; дворянство — предел обогащения. Достигнув дворянства, к богатству следует относиться как к *цели* — понимаешь? Бональд занятно пугал общество: «Если вы уничтожите дворянство, тогда стремление энергичного плебея к обогащению не будет иметь ни цели, ни предела; целью будет богатство — само по себе. Тогда-то и появится аристократия. Аристократия, но не знать».

Степанов слушал с интересом, даже окрошку отодвинул.

— Да ты ешь, Митя, ешь, — вздохнул Славин. — У литератора должен быть волчий аппетит.

— Если у литератора волчий аппетит, значит, он работает на бюро пропаганды, читает свои стихи и рассказы, а с писанием завязал. Знаешь, когда я в Испании рассказал коллегам, что у нас писателю платят за выступление, посылают в творческие командировки и дают бесплатные путевки в дома творчества, мне не поверили: «Красный ведет пропаганду, такого не может быть»... Так-то вот... Писатель должен страдать язвой, Виталий, мучиться от сердечной недостаточности и геморроя, тогда только он сможет оценить каторжную радость творчества.

— Я недавно с одним художником разговаривал, интереснейший парень, злющий, все крушит, как слон в лавке. Реставратор, иконами занимается... Мне, понимаешь, подарили иконопись на день рождения, и надо было ее реставрировать. Пришел художник, посмотрел, повздыхал, унес к себе и сделал блистательно. Я ему говорю, спасибо, мол, а почему бы

вам иконописью не заняться, а он на дыбы, аж оцетинился: «Без веры нет иконописи». Как ты отнесешься к такому пассажиру?

— Ерунду он порет, этот реставратор. Иконопись — наше Возрождение. У нас была своя великая живопись — иконы. К ним так и следует относиться — национальное искусство. Вера, мне кажется, играла здесь подчиненную роль. В ту пору национальная идея была духом художников, потому как жили мы под игом. Отсюда, кстати говоря, особая роль русских монастырей. Они отличались от монастырей других стран своей исключительной ролью в сохранении национальной культуры.

— Не обрушивайся в национальный мистицизм, Митя, — снова усмехнулся Славин. — Слушай, кто эта женщина?

Степанов обернулся — высокая, большеглазая девушка стояла возле стойки и, обжигаясь, пила кофе из маленькой чашки, украшенной золотым вензелем «ЦДЛ».

— Не знаю.

— Красива, а?

— Очень.

— Как думаешь, сколько ей лет?

— Сейчас молодые вневозрастны. Это мы, пятидесятилетние, сразу очевидны — брюхо, лысина, усталость в глазах, а эти...

— Завидуешь?

— Да.

— А я — нет. Я горжусь возрастом. Прожить полвека — что орден получить, право... Так какая же разница между нашими монастырями и чужими?

— Пространственная. В Италии один монастырь отделен от другого на полста километров — как максимум. Наши — на тысячи удалены друг от друга, но хранили в себе ядро общенациональной идеи, некое состояние духа.

— По марксизму всегда пятерку получал?

— Всегда.

— Я тоже, только с тобою не согласен.

— Отчего так?

— Состояние — это слишком расплывчато. Состояние какого класса? Региона? Армии? Чиновничества? Крестьянства? Нельзя же все одной «миррой» мазать. Состояние Пугачева, Екатерины, пушкинского Гринева? Единая национальная идея всегда служит во благо какой-то одной группе, Митя, властвующей группе.

— Мы с тобой возвращаемся к проблеме схимы. Властвование, или, говоря иначе, ограничение, приложимое к понятию общества, служит гарантом государственности.

— А я разве спорю? Только я спрашиваю — какой государственности? Монархия пала — я имею в виду не только нашу — благодаря собственной слабости, хотя ведь тоже являла собой государственность. Наша свобода родилась на руинах вековой государственной идеи, замешенной на духе национальной исключительности. Да, да, так именно! Иностранцев-то в пух и прах костили. Ты говоришь, иконопись — следствие абсолютного покоя, ясности цели. Это — кризисный период, когда было нашествие, но ведь пики искусства — заметь себе — рождены состоянием пе-

реходным, длительным; война порождает блистательное искусство плаката; философия не может родиться под грохот канонады. Война — это желание выжить, чтобы продолжить бой завтра, мир — это когда живут, чтобы думать. Ум — основа индивидуальности, поскольку именно он создает личность. Просто-напросто Россия поры Рублева и Феофана Грека дала миру больше индивидуальностей, чем в последующие времена, видимо, в этом отгадка. И смешно требовать от природы, чтобы она все делила поровну. Я, знаешь, со стороны смотрю на наше кино: все от него требуют шедевров — вынь, не грехи! А ведь это смешно! Когда кино было в новинку, родились Чаплин, Эйзенштейн, Клер, Васильевы, Довженко, Хичкок, но ведь потом оно стало бытом, оно же теперь телевизором стало, Митя! Значит, надо ждать нового накопления неведомых качеств — тогда-то и свершится новая революция в кино. И потом: даже в начале кино дало двадцать, ну тридцать шедевров, а ведь сейчас это индустрия, поток, план! Как же от потока требовать качеств Ренессанса? Надо отойти в сторону, поглядеть со стороны, и тогда поймешь, что и сейчас есть Годар, Курасава, Крамер, Феллини, Питер Устинов, Антониони, Абуладзе, Никита Михалков, наконец. И — хватит! Нельзя больше, и так слишком щедро!

— Ты что, опровергаешь, понять не могу?

— Ты не можешь понять, оттого что на себя настроен. Слушай, а кто этот старик?

— Наш вахтер, дядя Миня.

— У него лицо Христа.

— А он и есть. Раньше на бегах, кстати, играл.

— Значит, и ты не отчаивайся — путь к святости лежит через грех... Мороженым угостишь?

— Угощу.

Степанов обернулся, поискал глазами официантку Беллочку; в это время в маленький зал, переоборудованный из веранды, заглянул администратор.

— Тут нет товарища Славина? — спросил он. — Срочно зовут к телефону.

— Мороженое не получится, — сказал Славин. — Будь здоров, Митяй.

Константинов

Константинов сострадающе посмотрел на вошедшего Славина и сказал утвердительно:

— Костите за то, что я раскопал вас?

— Конечно.

— Не сердитесь. Вот, почитайте-ка, — Константинов протянул письмо из Луисбурга. — Пришло только что.

— Сигнал о предстоящей высадке инопланетян в район военного объекта? — усмехнулся Славин, доставая очки. — Или данные о похолодании на солнце?

— При вашей приверженности глобальным схемам это сообщение не представляет интереса...

Славин, стремительно прочитав письмо, поднял глаза; кожа на лысой, яйцеобразной голове собралась морщинками на макушке, что бывало в моменты острые, когда надо было принимать немедленное решение.

Посмотрел на Константинова вопрошающе.

— Вслух, — сказал тот. — Давайте-ка я прочитаю еще раз — вслух.

Константинов медленно надел очки в толстой оправе; лицо его — как ни странно — сделалось еще более молодым (когда ему дали генерала, ветераны шутили: «Сорок пять лет — не генеральский возраст по нынешнему времени, мальчик еще, это только в наши годы звезду давали в тридцать»); начал читать:

«В декабре прошлого года в номера «Хилтона» в Луисбурге два американа, один из которых есть Джон, договаривались с русским, как вести работу и передавать сведения про какого-то «соседа». У русского рожка сытая и говорит он хорошо по-португальски и по-английскому, сука е... Пусть погибну за это письмо, но молчать дальше мочи нет».

Константинов посмотрел на Славина — в глазах у него метался смех.

— Ну, — заключил он, — вы готовы к комментарию, Виталий Всеволодович?

— Писал русский — это очевидно.

— В чем вы узрели очевидность?

— Хорошо определена «сука».

— Вы считаете, что ЦРУ — если они затеяли какую-то игру — не могло обратиться за консультацией к филологам?

Славин хмыкнул:

— Те, кто готовит переиздание «Толкового словаря» Даля, избегают контактов: боятся ОБХСС —

каждый том на черном рынке стоит сто рублей. А почему вы так веселитесь?

— Заметно?

— Да.

— Я веселюсь оттого, что решил рискнуть.

— Чем?

Константинов подвинул лист бумаги, вывел жирную единицу, обвел ее кружком, поднял глаза на Славина:

— Давайте начнем с самого начала... Идут радиопередачи на Москву неустановленному агенту, идут часто, в последнее время — особенно часто. Расшифровке, понятное дело, не поддаются. Предположения нашего Панова так и остаются предположениями, не более того, читать мы их не можем. Спросим, однако, себя: где сейчас наиболее горячая точка в мире?

— Пожалуй, Нагония, нет?

— Согласен. Теперь допустим, что это письмо — не игра, не попытка скомпрометировать кого-то из наших людей, работающих в Луисбурге, тогда зададим себе еще один вопрос: где наиболее сильные позиции ЦРУ в Африке?

— Именно в Луисбурге.

Константинов повторил:

— В Луисбурге, совершенно верно. А в скольких километрах от границы с Нагонией находится Луисбург?

— В семидесяти.

— Так.

Константинов написал цифру «два» и обвел ее еще более жирной чертой.

— Теперь давайте рассмотрим третью позицию, — сказал он. — Допустим, что все убыстряющаяся *лихорадочность* радиограмм из европейского разведцентра ЦРУ связана с обострением ситуации в Нагонии. Допустим, ладно?

— Допустим, — согласился Славин.

— Значит, если мы решим рискнуть и остановимся на том, что ЦРУ интересуется не столько Луисбург, сколько «сосед», то есть Нагония, то, следовательно, они там затевают нечто сугубо серьезное?

— Я пойду на такого рода допуск, хотя согласен, риск в таком умпостроении имеет место быть.

— Уговорились. Рисуем, останавливаемся на версии, что ЦРУ готовит нечто в Нагонии и поэтому так теребит своего агента в Москве. В Нагонии раньше стояли баллистические ракеты с ядерными боеголовками, направленные на нас с вами. Теперь их нет там. Потеря Нагонии для американцев, таким образом, удар сокрушительный. Они, полагаю, готовы на все, чтобы вернуть Нагонию.

Константинов смотрел на Славина внимательно, выжидающе, и в его глазах улыбки уже не было.

— Теперь надо думать, что же они готовят в Нагонии? — сказал Славин.

— А я поначалу думаю об *уровне* агента ЦРУ. Вы понимаете, *каков* его уровень, если он задействован ЦРУ в связи с их внешнеполитической акцией? Вы же понимаете всю серьезность их «африканского удара». Очередная попытка ястребов рассорить американцев с нами, помешать разрядке, создать новый кризис, поставить мир на грань катастрофы. Кому это

выгодно? Американцам? Нет. Нам? Тем более. Военным промышленникам? Да. ЦРУ? Бесспорно. Значит, следуя такого рода допуску, автор письма из Луисбурга прав. Значит, ЦРУ начинает *свою* очередную операцию? Значит, ЦРУ завербовало кого-то из наших в «Хилтоне»? И этот человек имеет доступ к секретным документам? Где?

Константинов достал из кармана пиджака сигару, снял целлофан, медленно, смакуя, раскурил ее и, сделав тяжелую горько-сладкую затяжку, заключил:

— Следовательно, надобно решить вопрос: на чем мы сможем поймать шпиона? На сборе информации? Или на передаче ее? Работает сеть? Или шпион действует в одиночку?

— Видимо, стоит начать с проверки тех, кто работает в Луисбурге?

— Но если допустить *сеть*, то следует проверить и тех, кто работал там раньше. А потом отбросить всех, кто не имеет доступа к особо секретным документам. И сосредоточиться на людях, которые много *знают* — и здесь и там.

— Но радиogramмы идут на Москву, Константин Иванович. Какой смысл отправлять сюда радиogramмы, если их агент сидит в Луисбурге?

— Значит, вы исключаете версию *сети*? Допустим, что наметку информации ЦРУ получает в Луисбурге, а подтверждения требует от своего человека в Москве. Такую возможность вы отвергаете?

— Нет, — ответил Славин задумчиво, — не отвергаю.

Константинов снял трубку, набрал номер телефона генерал-лейтенанта Федорова.

— Петр Георгиевич, — сказал он, — мы тут со Славиним сидим над новой радиограммой. И письмом. Занятым письмом. Докладить в понедельник или... Хорошо. Ждем.

Константинов положил трубку:

— «Пэ Гэ» выезжает с дачи. Вызывайте ваших людей, будем готовить предложения. Есть все основания для возбуждения уголовного дела. Согласуйте с прокуратурой. Пока все.

Константинов

За завтраком Лида, жена Константинова, посмотрела на него вопрошающе и чуть обиженно — после того уж, как он созвонился со Славиним и назначил время на корте: семь сорок пять.

Заметив, *как* Лида поднялась со стула, Константинов улыбнулся ей ласково, чуть иронично, с тем изначальным пониманием «что есть что», которое подчас злит, но всегда понуждает относиться друг к другу уважительно, не соскальзывая в бытовщину, убивающую любовь в браке.

Лида принесла кофе, подвинула мужу сыр.

— Хочешь печенья? У нас есть «Овсяное»...

— Ни в коем случае. Сколько в нем калорий? Много. А я не вправе обижать тебя ранним ожирением.

— Ранним? — она улыбнулась. — Что будет с человечеством, когда средняя продолжительность жизни приблизится к двумстам годам?

Константинов допил кофе, оставил чашку; Лида поняла, что он сейчас *собирается* — за двадцать лет, прожитых вместе, человека узнаешь — не по слову даже, а по его *предтече*.

Он, в свою очередь, тоже понял, что она сейчас поднимется, положил поэтому руку на ее пальцы и сказал:

— Я помню. Ты станешь записывать или запомнишь?

— Неужели успел?

— Конечно. Так вот, Лидуша, рукопись никуда не годится. Это — унылая литература, а, как говорили великие, любая литература имеет право на существование, кроме скучной.

— Это азбука, Костя, я обратилась к тебе, чтобы ты помог мне мотивировать отказ.

— А ты вправе отказать ему?

— То есть? Конечно, вправе.

— Это очень плохо, если «конечно». Я, признаться, боюсь такого рода неограниченной власти редактора. А что, коли твой автор повесится? Или ты не разглядела гения?

— Мы же смотрели вдвоем.

— Я — дилетант. Читатель.

— Самая, кстати, трудная профессия. И потом, нынешний читатель куда честнее некоторых критиков. Те пытаются угадать, кого похвалить, а кого лягнуть, но угадывают не в читальных залах и книжных магазинах, а...

— Очень плохо.

— Костя, родной, я лучше тебя знаю, как это плохо, поэтому и попросила тебя прочесть эту рукопись.

Константинов пожал плечами:

— Каноническая схема, а не литература; плохой директор, хороший парторг; новатор, которого сначала затюкали, а потом орден дали, один пьяница на весь цех... Зачем врать-то? Будь в каждом цеху только один пьяница, я бы в церкви свечки ставил. Всякое желание понравиться — кому бы то ни было — есть форма неискренности. А потом спохватимся, начнем ахать: «Откуда появились новые лакировщики?!» Разве кто-либо понуждал твоего автора писать ложь? Расталкивает локтями, к литературному пирогу лезет — нельзя же так спекулировать, право... Настоящая литература — это когда человек изливает душу; а если так — то и работы его не видно. А здесь какая-то эклектика: и драматург, и спорщик, и рассказчик, и оратор. И к каждому этому профессиональному качеству можно приложить одно лишь определение — «посредственный». В наш век информационного взрыва нельзя быть эгоцентриком, идеи в воздухе носятся, или уж быть надобно гениальным эгоцентриком.

— Ты пролистал рецензии мэтров на его рукопись?

— Прочитал. Ну и что? Эти меценаты потом, глядишь, и в газетах выступят, а книгу отправят на макулатуру, но и это полбеды; главная беда в том, что может появиться некая девальвация литературной

правды, а сие — тревожно. Мне так, во всяком случае, кажется.

— Про такое заключение мне бы сказали: «разнос», Костя.

— Правильно. Зачем же литературу превращать в парламент: «Ты — мне; я — тебе, наша коалиция сильней». Не надо так, это же самопожирание литературного процесса.

— У меня появится много врагов, если выступлю так резко.

— Что ж, свою позицию надо уметь отстаивать. Я бы на компромисс не шел. Еще вопросы есть? — он улыбнулся. — Спасибо, я поехал проигрывать Славину.

...Славин опоздал на пять минут; Константинов, тренируясь у стенки, заметил:

— Точность — вежливость королей, Виталий Всеволодович.

— Так я ж не король, Константин Иванович, я всего лишь полковник, мне и опоздать можно... Затвор был на Кутузовском.

Когда они менялись местами на корте, Славин задумчиво сказал:

— Знаете, на какие мысли навел меня этот затвор?

— Вы хотите меня заговорить, чтобы обыграть всухую?

— Конечно. Но думал я действительно о том, как скорость века меняет психологию. Раньше-то наш ОРУД незамедлительно реагировал на минимальное

превышение скорости, как матадор реагировал, а сейчас гонят шоферов: «Проезжай!», на осевую пускают, только б не затор, то есть потеря времени. Мне это очень нравится. А вам?

— В часы пик гонят, а попробуйте-ка превысить скорость днем — матадорская хватка осталась прежней. До изменений психологии семь верст до небес и все лесом. Подавайте!

— Итак, подытоживаю. — Константинов спрятал очки в карман и, откинувшись на спинку кресла, оглядел контрразведчиков, вызванных им на совещание, — Славина, Гмырю, Трухина, Проскурина, Коновалова. — Работу по выявлению агента будем вести по следующим направлениям. Первое — отдел Проскурина устанавливает все те организации, которые связаны с поставками в Нагонию сельскохозяйственной техники, лекарств, оборудования для электростанций. Второе: подразделение Коновалова наблюдает за выявленными разведчиками ЦРУ в посольстве — все их контакты, маршруты поездок должны быть проанализированы с учетом данных, которые мы получим, реализовав первую позицию. Третье: Виталий Всеволодович передает руководство своим отделом Гмыре и вылетает в Луисбург. Товарищу Славину предстоит выяснить ситуацию на границах с Нагонией, в какой мере силен Огано, и установить, кто автор письма. После этого...

— Если получится, — заметил Славин.

— После этого, — словно бы не слыша его, продолжал Константинов, — в случае, если Славин будет

убежден, что имеет дело не с подставой, а с искренним человеком, — знакомит нашего неизвестного корреспондента с фотографиями членов советской колонии.

— Номер в «Хилтоне» стоит сорок долларов, — сказал Славин, — а жить надо там, обязательно там, потому что мне сдается, наш корреспондент, если только это не *игры*, в «Хилтоне» работает, скорее всего, в кафе или ресторане.

— Довольно умозрительно, — заметил Константинов.

— Значит, лаборатория страдает умозрительностью, — сказал Славин. — Они мне заключение по письму прислали: есть следы масла и сохранился запах дешевого сыра...

— А если письмо сочиняли за завтраком? — поинтересовался Константинов. — В номере?

— Тогда был бы запах клубничного джема, — победно улыбнулся Славин. — Сыр на завтрак дают редко, да и потом, если бы это дело варганили ребята из ЦРУ, они бы заказали «хэм энд эггс». Дешевый сыр дают в барах «Макдоналдс», они сейчас по всему миру разбросаны.

...В Шереметьево Константинов и Славин приехали ночью; пахло полыньей; казалось, что вот-вот затрещат цикады.

— Выпьем кофе? — спросил Константинов.

— С удовольствием.

Они сели за столик; народа было немного; две молоденькие официантки говорили о том, что ехать

на Рижское взморье рано еще, дождит, и море холодное, хотя песок за день прогревается, мягкий, нежный, и можно гулять по пляжу, вдыхая пряный сосновый запах, а загар лучше, чем на юге, дольше держится...

Константинов посмотрел на Славина, улыбнулся, подвинулся к нему, шепнул:

— Занятно, теперь нам с вами предстоит партия в теннис, причем — проигравшего не будет, победителями обязаны стать оба...

— Теннисом вы определяете предстоящие шифротелеграммы? — спросил Славин.

— Именно. И не сердитесь, как обычно, если я что-то стану вам настойчиво не рекомендовать.

— Запрещать, говоря прямо, — уточнил Славин. — Но обижаться все равно буду.

Официантка поставила перед ними кофе, спросила:

— Куда летим?

— В Болгарию, — ответил Славин. — Там море прогрелось.

— Зато песка мало, — сказала официантка, — а теплый песок важнее моря, прогрев дает на всю зиму, тепло хранит... Я в прошлом году в Румынии отдыхала, хорошо, конечно, но только вот с песком плохо, камни...

Константинов посмотрел ей вслед, покачал головой, сказал задумчиво:

— Все-таки время — категория совершенно паразитическая, Виталий Всеволодович... Вы ощущаете *мирность*?

— Теплый песок пляжа и запах сосен, — повторил Славин. — Красиво, но при чем здесь категория времени? Не вижу связи.

— Видите. Впрочем, могу сформулировать, коли желаете.

— Извольте.

— Шестьдесят лет тому назад были невозможны две вещи... Впрочем, не шестьдесят даже... Тридцать лет назад такое тоже было невероятно: официантка, отправлявшаяся на курорт за границу, и ЧК — инструмент разрядки.

— Вы к тому, что тридцать лет назад надо было бандитов ловить и *ощериваться* на власовцев и бандеровцев?

— А говорили — «не вижу связи»... Именно это и имел в виду. А теперь едет Славин в Луисбург, ловить шпиона, который помогает заговору против тишины, там ведь, говорят, песок горячий, только сосен нет, пальмы... Я гордость ощущаю постоянно, Виталий Всеволодович, начали-то с нуля, а ныне, защищая свою безопасность, помогаем маленькой Нагони... Коли не начнут там стрелять — тишина останется первозданной, море и песок.

Голос диктора был сонным, чуть усталым.

— Пассажиров, следующих рейсом на Луисбург, просят пройти на посадку...

— Говорит блондинка двадцати семи лет, голубоглазая, с родинкой на щеке, — сказал Славин, поднимаясь.

— И в голосе ее заключена мирность, — заключил Константинов, — хотя родинка у нее на подбородке, а глаза наверняка зеленые.

Славин

Коллега Славина в Луисбурге был молод, лет тридцати пяти, звали его Игорем Васильевичем, фамилию свою он произносил округло, как-то по-кондитерски: «Ду-улов».

— Вообще-то пока еще никто не обращался ко мне за помощью, — певуче рассказывал Дулов, изредка поглядывая на острую макушку Славина; они шли по берегу океана; солнце было раскаленно-белым, жгло нещадно, слепило. — Один раз жена коменданта пришла, ей показалось, что за ней следят.

— Креститься надо, когда кажется.

— Мы проверили, тем не менее.

— Ну это понятно. Даллес за нею, надеюсь, не следил?

Дулов переспросил, нахмурившись:

— Даллес?

— Ну да, Аллен Даллес.

Дулов понял, рассмеялся — он смеялся заливи-сто, чуть откидывая голову налево, словно щегол перед песней. И глаза у него были щегольи, маленькие, пронзительно-черные, чуть навывкате.

— По поводу Парамонова все вскрылось уже после его отъезда домой, — продолжал Дулов. — Пришла повестка в суд, а его уж и след простыл.

— В суде были?

— Да. Те отфутболили в местную автоинспекцию.

А там молчат, «ничего не знаем, никого не помним».

— Сам Парамонов ничего об этом не сказал?

— Никому ни слова.

— Чем он занимался?

— Механик гаража. Прекрасный, надо сказать, механик. Поставил на «Волгу» Зотова карбюратор «Фиата» — теперь летает, как спутник, шепотом дает полтораста километров.

— Как? — удивился Славин. — Почему шепотом?

— Тихо, без натуги.

— А что, хорошее определение — шепотом, — согласился Славин, — очень точно передает легкий и ненатужный набор скорости. Так, это — понятно. А по поводу здешних разведчиков ЦРУ вам что-нибудь известно? Ни к кому из наших не подкрадываются?

— Есть тут один занятный персонаж. Джон Глэбб, коммерсант, так сказать. С ним довольно часто видится Зотов.

— Кто?

— Андрей Андреевич Зотов, инженер-корабел, я же говорил вам. Я его предупредил, что Глэбб, возможно, связан со службами, но он только посмеялся: «Ваша работа такая, в каждом видеть црушника».

— Правильно посмеялся. А как человек? Претензий у вас к нему нет?

— Нет. Рубит сплеча, бранится, но — убежден — честен.

— Бранится по поводу чего?

— По поводу того, что мы все браним — с разной только мерой громкости: и разгильдяйство наше, и перестраховку, и леность, и раздутые штаты, и бюрократство.

— Правдолюбец? — вспомнив Дмитрия Степанова, усмехнулся Славин.

— Вы вкладываете в это слово негативный смысл?

— А можно? — удивился Славин. — Кстати, кто следит за своевременностью поставок в Нагонию?

— Зотов. Здесь, в Луисбурге, наши суда, следующие в Нагонию, запасаются на весь рейс: там же ничего нет, порты практически демонтированы колонизаторами.

— Он давно здесь?

— Третий год. Последние семь месяцев один живет. Жена улетела в Москву. Недавно сам летал в Москву.

— Она что, здешний климат не выдержала?

— Нет, не в этом дело... Что-то у них сломалось, кажется.

— Как бы установить, с каким рейсом Зотов вернулся?

— Проще простого. Два рейса в неделю, пятница и вторник...

— А почему не вторник и пятница? — поинтересовался Славин. Он любил тесты, это помогало ему понять реакцию собеседника: иному толкуешь битый час, а он — как дерево, а на другого стоит только посмотреть, и по глазам видно — понял.

— Потому что пятница более верная точка отсчета, — ответил Дулов, — за нею идут дни отдыха.

— Теннисные корты, кстати, у вас есть?

— В «Хилтоне».

— А где же там? Я что-то и не заметил.

— В подвале. Там кондиционер, прекрасное покрытие.

— Играете?

— Болею.

— За кого?

— Сейчас за польского консула, а раньше болел за жену Зотова — она играла мастерски.

— Скажите, а Зотов давно встречается с Глэббом?

— Давно. Они познакомились месяца через три после того, как Зотов приехал. Да, видимо, года два с половиной, не меньше. Глэбб не пропускает ни одного нашего приема, его у нас многие знают.

— Зотов говорит по-английски?

— И по-испански, и по-португальски — образованный мужик.

— Он вам нравится, — полуутверждающе заметил Славин.

Дулов, понимая, что вопрос о Зотове поднят неспроста, тем не менее откинул — по-щегоольи — голову, уставился на Славина глазами-бусинками и ответил:

— Да, он мне нравится.

— Хорошо, что вы не сказали: «У нас к нему нет претензий», молодчага. Зотов — пьющий?

— Нет, но он умеет пить.

— То есть пьющий? — повторил Славин.

— Нет. Он умеет пить, — упрямо повторил Дулов. — Он может много выпить, но никогда не бывает пьяным. Конечно, он не тихушник какой, я сужу только по тому, как он пьет на приемах.

— Любовницу не завел, после того как жена уехала?

— Я думаю, вас неверно о нем информировали, Виталий Всеволодович.

— А меня про него только вы информировали, Игорь. Я ничего о нем раньше не знал. Как он проводит досуг?

— Ездит по стране. Собрал интересную библиотеку.

— Наши книги здесь легко купить?

— Теперь — трудно. Все поняли, что в Москве хорошую книгу не найдешь, только тут и покупают. У него много книг по искусству, по здешней живописи.

— Музей, кстати, открыт? Книги по живописи Африки купить можно?

— Музея нет. Книги о художниках Африки издают в Париже и Лондоне. Вы не хотите с ним поговорить?

— Обязательно поговорю. Только не сразу, ладно?

— Конечно, вам видней, Виталий Всеволодович.

— Теперь вот что, Игорь... Никто из наших не встречал в «Хилтоне» русских эмигрантов? Может, к ним кто обращался — ну там водка, сувениры, пластинки...

— В «Хилтоне» всего человек шесть белых работают, Виталий Всеволодович, остальные африканцы. Бармен, я знаю, белый, француз, Жакоб его зовут, шпион, сукин сын, всем служит, невероятного шарма парень, потом там у них есть белый метрдотель, Линдон Уильямс... Больше не знаю, право...

— Вы с Глэббом на приемах раскланиваетесь?

— Конечно.

— Когда у нас предвидится коктейль или прием?

— В субботу.

— Надо бы проследить за тем, чтобы Глэббу отправили приглашение.

— Хорошо. Вы об этом попросите?

— Зачем? Я потрянул стариной, приехал, ибо на фронте был военкором... Вы уж этим озаботьтесь, ладно? И познакомьте меня с Глэббом.

— Но он же знает, кто я.

— Ну и что? Прекрасно.

— Прекрасно-то прекрасно, но ведь он, думаю, может догадаться о вашей нынешней профессии. Визг в прессе поднимут...

— Пусть не лезут к нашим людям — дома ли, здесь ли, за границей — мне тогда незачем будет сюда ездить, — жестко сказал Славин. — Они же начинают первыми, они — *подкрадываются* к тем проблемам, которые входят в прерогативу государственной безопасности. Пусть не лезут к нашим, — повторил Славин, — мы тогда будем сидеть в Москве.

— Так прямо и объяснить? — Дулов улыбнулся.

— А что? Зачем темнить? В конспирации тоже следует соблюдать меру.

— Попробуем.

— Парамонов, кстати, никогда на приемах не бывал?

— Нет, Виталий Всеволодович, он же не дипломат...

— Случайность исключается?

— Исключается, — убежденно ответил Дулов и вздохнул. — Особенно при нашей смете, каждая бутылка на счету.

...Вопросы Славина, правду сказать, Дулову не понравились — лобовые вопросы, без *игры*, несколько отдают схемой.

Ответы Дулова, однако, Славину понравились; он любил людей, которые умели отстаивать собственную точку зрения, несмотря на то что — тут от интонации много зависит — лучше бы для него было подстроиться под приезжего, особенно такого звания и уровня.

«*Центр*.

Что известно о Парамонове? Сообщал ли он кому-либо о факте его задержания полицией? Если сообщал, что именно? Существуют ли в Центре данные о русской эмиграции в Луисбурге? По моим сведениям, здесь проживают около сорока человек.

Славин».

«*Славину*.

Данные о русской эмиграции весьма незначительны, поскольку в Луисбурге нет клуба эмигрантов. По неподтвержденным данным, в Луисбурге живет некто Хренов Виктор Кузьмич (Кириллович), бывший власовец, участвовал в боях за Вроцлав (Бреслау). Точное место проживания неизвестно, однако по сведениям трехлетней давности, он снимал номер в отеле возле вокзала. Известно также, что одно время в Киле он жил игрою на бильярде, имел кличку «от двух бортов в середину». Поскольку мы не располагаем данными о том, добровольно ли он пошел к Власову или был принужден к это-

му, соблюдайте максимум осторожности, если запланировали встречу. Сведений о его связях с разведслужбами не имеем, но известно, что в Киле он принимал участие в грабежах.

Центр».

Константинов

Проскурин разложил перед Константиновым на большом, темного ореха, столе десять листов бумаги, на которых были напечатаны наименования министерств и ведомств, так или иначе связанных с поставками в Нагонию.

Константинов бегло проглядел страницы и несколько раздраженно заметил:

— А еще конкретнее можно?

Проскурин пожал плечами:

— Я сделал прикидку. Круг сужается. Остается всего несколько человек.

— А сколько из них имеют доступ к секретным документам?

— Двенадцать.

— Установочные данные подготовлены?

— Да.

— Что-нибудьстораживающее есть?

— У меня ни к одному из них нет претензий.

— Претензий? — переспросил Константинов. — И не может быть претензий к советским людям. Или факты, или — ничего.

— Я исходил из наших сегодняшних критериев.

— А вот что касается критериев — так они постоянны. Где материалы об этих людях?

— Трухин перепечатывает.

— Когда закончит?

— Думаю, к обеду.

Константинов вскинул голову на Проскурина и повторил:

— Когда закончит, я спрашиваю?

— К четырнадцати ноль-ноль.

— Спасибо.

Зазвонил один из семи телефонов; Константинов безошибочно угадал который, снял трубку:

— Слушаю. Да. Привет. Ну? Заходите немедленно.

Положив трубку, Константинов задумчиво посмотрел на телефонный аппарат, потом обернулся к Проскуруину:

— По вашим спискам Парамонов проходил?

— Тот, о котором сообщил Виталий Всеволодович?

— Именно.

— Да.

— Но в «суженный круг» он не включен?

— Нет. Вы же сказали, что агента, вероятнее всего, просят передавать данные политического характера.

— Верно. Но Парамонов может быть *передатчиком* информации. Где он сейчас работает?

— В «Межсудремонте».

— Кем?

— Заведующим автобазой.

— Чем занимается «Межсудремонт»?

— Этого я еще не установил.

— Приблизительный ответ можно дать, нет?

Проскурин пожал плечами:

— Я не решаюсь, ибо знаю ваше отношение к при-
близительным ответам.

— В общем-то, верно. Пожалуйста, попробуйте
выяснить это срочно, потому что наблюдение — по-
сле сообщения Славина — получило весьма тревож-
ные сигналы на Парамонова, они ко мне с докладом
идут. За четверть часа выясните?

— Я постараюсь, но лучше бы — за полчаса.

— Хорошо. Но тогда, пожалуйста, установите,
не помогает ли Парамонов кому-то из начальства с
машиной — в личном, как говорится, плане. Кому
карбюратор поменял, кому кольца перебрал, понят-
но? Славин ухватил деталь, проанализируйте ее: за
полчаса, как уговорились.

*...Михаил Михайлович Парамонов, 1929 года
рождения, русский, женатый, не имеющий род-
ственников за границей, вышел в 12.47 из «Меж-
судремонта», около остановки автобуса прове-
рился, имитируя, что завязывает шнурок ботин-
ка, дождался, пока в автобус сели все пассажиры,
и вскочил туда последним, перед тем как закры-
лись двери. Он проехал две остановки, вышел, сно-
ва проверился, остановившись около витрины ма-
газина «Минеральные воды» и вбежал туда за ми-
нуту перед тем, как продавец вывесил табличку
«Перерыв на обед». Ни с кем, кроме продавца, в
контакт не входил, выпил лишь стакан минераль-
ной воды. Сев на автобус без проверки, Парамонов
вернулся в «Межсудремонт» и провел в гараже все*

время до окончания работы, перекрашивая в серебристый цвет «Жигули», государственный номерной знак «72-21».

Константинов поднял глаза на полковника Коновалова. Тот, словно ожидая этого взгляда, сразу же достал из папки второй лист бумаги с текстом, отпечатанным почти без полей, и молча протянул генералу.

Константинов углубился в чтение:

«Продавец магазина «Минеральные воды» Свердловского райпищеторга Цизин Григорий Григорьевич, 1935 года рождения, русский, беспартийный, женат, имеет родственников за границей по линии матери, привлекался к суду за халатность, осужден к году исправительно-трудовых работ по месту работы».

— Где родственники живут? — поинтересовался Константинов, полагая, что Коновалов еще не сможет ответить — мал срок, просто для подсказки спросил, такого рода подсказка — уважительна, никак не обижает.

Однако Коновалов, седенький, кругленький, чуть склоненный вперед, факирским жестом вытащил следующий листок и зачитал:

— Дядя, Цизин Марк Федорович, живет в Оттаве, работает грузчиком на бойне, а тетя, Цизина Марта Генриховна, уборщица в отеле.

— Как они туда попали?

— После войны; их немец угнал.

«Фраза участника войны, — сразу же отметил Константинов. — Мы бы сказали иначе: «Угнали фа-

шисты». И в этой филологической мелочи — сокрыт огромный смысл».

— Еще одна справочка, ознакомьтесь, пожалуйста, товарищ генерал.

— Когда вы успели? Времени-то было в обрез.

— Ах, Константин Иванович, меня за то и оттирают на пенсию, что молодых, говорят, слишком гоняю.

— Вместе на пенсию пойдем, — пообещал Константинов и споткнулся на первой же фразе справки:

«"Жигули", государственный знак «72-21», принадлежит гражданке Винтер Ольге Викторовне, 1942 года рождения, еврейке, беспартийной, детей не имеет, муж, Зотов Андрей Андреевич, работает в Луисбурге».

Константинов быстро поднялся из-за письменного стола, открыл сейф, перебрал листочки, оставленные Проскуриным, отложил один, склонился над ним, пыхнул потухшей сигарой, снова раскурил ее, не заметив даже, как пламя зажигалки сожгло коричневые листья с левой стороны, и спросил Коновалова:

— У вас по Винтер больше ничего нет?

— Никак нет, товарищ генерал.

— Спасибо, Трофим Павлович.

— Разрешите быть свободным?

— Да, пожалуйста. Винтер будем иметь в виду.

Основания к этому были: старший научный сотрудник конъюнктурного института Ольга Викторовна Винтер имела доступ к секретным документам, связанным, в частности, с положением в Нагонии, ибо тема ее кандидатской диссертации посвящена

проблеме проникновения на Африканский континент многонациональных монополий.

— И, коли вас не затруднит, — попросил Константинов, — попробуйте раздобыть для меня ее диссертацию.

...Через полчаса вернулся Проскурин.

Константинов глянул на него из-под очков.

— «Межсудремонт» занимается переговорами о ремонте наших торговых кораблей, которые выполняют международные рейсы. Поддерживают деловые связи с ГДР, Великобританией, ФРГ, Югославией и Францией. Директор конторы, Ерохин, автомобиля в личном пользовании не имеет, однако заместитель директора, занимающийся африканскими рейсами, Шаргин Евгений Никифорович имеет «Волгу». Парамонов следит за ней лично, делает профилактику, достал новые покрывки, кажется, зашипованные.

— Все?

— Нет. Не все. Шаргин, хотя и не имеет доступа к секретной информации, тем не менее часто бывает в Министерстве внешней торговли. Его брат, Шаргин Леопольд Никифорович, занимается закупками техники, неоднократно выезжал за рубеж, в Луисбург летал три раза. Среди партнеров на переговорах был Джон Глэбб, которым вы интересуетесь.

— Мы, — поправил его Константинов. — Мы им интересуемся. Вы в том числе. Наблюдение за Парамоновым, я думаю, надо усилить. Поведение Цизина следует проанализировать. Кто сможет им заняться?

— Думаю — Гречаев.

— Почему?

— У вас есть возражения против его кандидатуры?

— Нет. Пусть посмотрит. Но, понятно, в высшей мере аккуратно.

— Хорошо.

— Ольга Винтер входит в «суженный круг»?

— Да. Но я намерен ее исключить, Константин Иванович. Женщина она языкастая, резкая, но, по отзывам всех ее знающих, отменно хорошая.

— А что вы можете сказать о ее муже?

— Мужем мои люди не занимались.

— Видите ли, муж-то ее — Зотов. Сидит в Луисбурге. И занимается, в частности, вопросом поставок в Нагонию.

— Вот так дело... Значит, сеть? Зотов — Винтер — Парамонов?

— Зотов — там, Винтер — здесь, а Парамонов — передает информацию? Вы так мыслите себе эту сеть?

— Теоретически такая сеть вполне допустима... Элегантна даже, сказал бы я... Но Стрельцов уже присматривался к Винтер, говорил о ней со знакомыми — все в один голос твердят: хороший человек. Неужели так ловко маскируется, а? Впрочем, если *сеть* существует, она должна играть, обязана, точнее говоря...

Константинов слушал Проскурина задумчиво, вертел в пальцах карандаш, а потом спросил:

— Винтер по-прежнему ездит на корт? Славин сообщил, что она увлекалась теннисом в Луисбур-

ге. Корт — прекрасное место для встреч с самыми разными людьми...

— Про теннис мы не устанавливали, Константин Иванович.

— Не сочтите за труд выяснить это, а? И еще — где она играет? В каком обществе? «Спартак», ЦСКА, «Динамо»? С кем играет — тоже любопытно.

Через два часа Проскурин доложил, что Ольга Винтер играет на кортах ЦСКА. Среди ее партнеров был заместитель начальника управления МИДа, генерал из инженерного управления, ответственный работник Госплана и Леопольд Шаргин, из Министерства внешней торговли.

«Славину.

Сообщите все, что у вас есть по Ольге Винтер, жене Зотова — контакты, интересы, моральный облик. Выясните, с кем она играла в теннис, где? Были ли у нее постоянные партнеры, и если да, то кто именно. Кто помогал ей в сборе материалов для диссертации.

Центр».

«Центр.

По отзывам людей, знавших Винтер, она проявляла большой интерес к американскому проникновению на Африканский континент. Материалы к диссертации собирала в библиотеке парламента, а также в пресс-центре посольства США. Кто именно помогал ей в пресс-центре, выяснить пока что не удалось. В теннисе у нее не было постоянных партнеров. Несколько раз она играла на кортах «Хилтона» с женой британского консула Кэролайн Тизл, примерно тридцати лет, дочь генерала Гэймлорда, работавшего по связи между МИ-6 и

ЦРУ в 1949—1951 годах; играла также с Робертом Лоренсом, представителем «Интернэйшнл телефоник». Считают, что Винтер уехала в Москву в связи с ее увлечением Дубовым, кандидатом экономических наук, срок командировки которого истек полтора года назад.

Славин».

«Славину.

Установите полное имя Роберта Лоренса, возраст, приметы. Что известно о Кэролайн Тизл?

Центр».

«Центр.

Кэролайн Тизл отличается радикализмом, резко отзывается о ситуации на Западе, выступает со статьями в левой прессе об африканцах, напечатала два памфлета о режиме Яна Смита и один комментарий о тайных операциях ЦРУ в Англии. Западные дипломаты ее сторонятся. По сведениям, полученным из проверенных источников, с разведслужбами не связана. Данные на Лоренса устанавливаю.

Славин».

«Центр.

Игравший на кортах «Хилтона» с Ольгой Винтер американец Роберт Уильям Лоренс, 1920 года рождения, приехал в Луисбург через месяц после свержения колониализма в Нагонию. Работал в Чили, также представителем «Интернэйшнл телефоник».

Славин».

«Славину.

По нашим сведениям, Роберт Уильям Пол Лоренс, 1920 года рождения, женат, имеет двух детей, проживающих в Нью-Йорке, предположительно является резидентом ЦРУ в Луисбурге. Выявите его связи. Сколько раз он играл в теннис с

Винтер? Был ли кто-нибудь из наших во время игр с ним? Если был, выясните, какие вопросы они поднимали в беседе, если были свидетелями таковой? Каковы их отношения?

Центр».

«Центр.

Прошу дать санкцию на встречу с Лоренсом.

Славин».

«Славину.

От встречи с Лоренсом воздержитесь.

Центр».

«Центр.

Считаю необходимой встречу с Лоренсом.

Славин».

«Славину.

Повторяю, от встреч с Лоренсом воздержитесь. Выясните характер взаимоотношений Лоренса с Джоном Глэббом.

Центр».

«Центр.

Глэбб и Лоренс плавают по утрам в бассейне «Хилтона». Отношения самые дружеские. Номер, в котором живет Лоренс, в отеле не называют, однако официанты полагают, что апартаменты, где работает ЦРУ, размещены на пятнадцатом этаже.

Славин».

Славин

Садовник советского посольства Архипкин просыпался рано, часов в пять; дело шло к пенсии, в Луисбурге досаживал последние месяцы, считал дни, когда вернется домой.

Он выходил в сад, когда еще никто из дипломатов не приезжал; посол и поверенный, которые жили здесь же, спали; тихо было в парке, и солнце, пробивавшее стрелчатую, диковинную листву, казалось бесцветным, зато трава обретала свой истинный цвет, какой-то совершенно особый, возможный только здесь, в Африке.

Архипкин знал, что в шесть полицейские, дежурившие у входа в посольство, будут меняться; при этом они долго разговаривают, иногда негромко поют, особенно когда день обещал быть с ветром, не таким душным; казалось, они чувствовали погоду без барометра.

Подъехал полицейский джип, из кузова выпрыгнули три парня, поправили автоматы, засмеялись чему-то, начали тихо переговариваться, и в это как раз время Архипкин услышал — где-то совсем поблизости — тихий, задыхающийся голос:

— Мужчина, да помоги же!

Странность обращения, легкий акцент испугали Архипкина, он даже присел возле забора; оглянувшись, увидел человека, который пытался дотянуться до острой пики — забор посольства состоял из металлических панелей и пик, колониальный стиль, остался от испанцев; на пике раскачивался маленький сверток; для тяжести к свертку был привязан камень.

— Помоги же! — судорожно повторил мужчина, стоявший на улице, и оглянулся на полицейских.

Те, видимо, заметили его.

Архипкин услышал, как один из полицейских крикнул что-то мужчине за оградой, потом все они побе-

жали; рванул с места джип. Архипкин подцепил граблями сверток, перебросил его на советскую территорию; мужчина счастливо улыбнулся и бросился в узенький переулочек; джип скрипуче затормозил — улочка как тропинка, там два велосипедиста с трудом разъедутся.

Прогрохотала автоматная очередь. Архипкин, подхватив сверток, бросился к посольству. Автомат ударил еще раз, потом настала тишина...

Славин перечитал листок из свертка:

«Я отправлял вам письмо про то, как американцы вербовали нашего гада в «Хилтоне». Отправил по почте. Дошло ли? Не ведаю. Американов тех я снова видал в «Хилтоне», а гада нет. Ладно, я старый, меня война поломала, а после нее намыкался, поскитался, поплакал в подушки готелей, а он-то чего? С сытой рожей и молодой? Коли мое письмо не дошло, знайте, вербанули американцы нашего».

— А что за письмо он отправил? — спросил Дулов.

— После войны работал в Германии, — не ответив на вопрос, заметил Славин. — «Готель» пишут те, кто долго жил в Германии.

— И украинцы говорят «готель», — возразил Дулов.

— Верно. Но русские, которые жили в Германии, все, как один, говорят так же. Я работал с перемещенными в конце войны, знаю. Ну, где садовник?

Архипкин вошел в кабинет боком, остановился у двери и, как показалось Славину, хотел щелкнуть каблуками.

«Из сержантов, наверное, — подумал Славин. — Помкомвзвода был, не иначе».

— Садитесь, Олег Карпович, — сказал Славин. — Чайку попьем?

— Спасибо, от чая не откажусь.

— Он у нас ивановский, — пояснил Дулов. — Ивановские водохлебы...

— Я слышал, что главные водохлебы в Шуе жили, — сказал Славин, — или неверно, Олег Карпович?

— Шуйские всегда поболее ивановских хлебали, стаканов по десять-пятнадцать...

— Неужели? Пятнадцать стаканов! Возможно ли?!

— Ставьте самовар — покажу, — улыбнулся наконец Архипкин; напряженность, которая просматривалась в нем с самого начала разговора, перестала быть столь явной.

— А шуйские чем-то от ивановских отличаются? — медленно гнул свое Славин. — Или вы все на одно лицо? Я, например, рязанцев от курян легко отличаю.

— Так то понятно, — согласился Архипкин. — Курянин — южный, у него глаза с черным отливом, а рязанец косопузый, ближе к нам, блондинистый...

— А тот мужчина, что сверток перебрасывал, он, по-вашему, из какой области?

— Да я его и не разглядел толком.

— Черноглазый?

— Ей-богу, не понял, а особенно, когда палить начали, у меня и вовсе память отшибло: войны нет, а с автоматов шмаляют, как в ту пору, от живота.

— Вы видели, что полицейские стреляли от живота?

— Может, и не видел, может, показалось мне так...

— Пошли в парк, постоим на том месте, где все произошло, повспоминаем, а?

— Пошли, — согласился Архипкин, страдающе посмотрев на Дулова. — Только я не помню ничего, говорю ж, от страха занемел даже.

...В парке Архипкин остановился в том месте, где неизвестный бросил сверток, кивнул на пику:

— Вот тут он повис.

Славин подошел к забору: виден узенький переулочек, идет под гору.

— Когда стрелять начали, он бежал, петляя? — спросил Славин.

— Не, он петлять начал, когда на велосипед прыгнул.

— Ах, у него там велосипед стоял?

— Ну да. К стене прислонен был. Дамский.

— Переулочек в улицу упирается... Он куда повернул — направо или налево?

— Ясное дело, налево — там под гору идет, убежать сподручней.

— А куда ведет та улица?

— Не знаю, я выхожу с посольства редко, по-ихнему-то не понимаю, заплутаешь еще...

— Та улица ведет к вокзалу, — сказал Дулов. — Она вливается в проспект, там трамвай, много машин, там его не возьмешь.

— Вы убеждены, они его не убили? — спросил Славин.

— Я выскочил из квартиры на балкон, мне все видно было... Он ушел, потому что они бежали вниз по переулку и никого перед ними не было. А когда они добежали до конца переулка, стрелять не стали, видимо, он махнул проходными дворами, там их много, — сказал Дулов.

— Проверили?

— Да. Если б они его убили, по радио сообщили непременно: нас лягнуть не преминули бы, — убежденно сказал Дулов. — Наверняка ушел.

— Он седой был? — спросил Славин.

— Да и не поймешь... Пегий, — ответил Архипкин. — А может, блондин, выгорел, может...

— Одет был во что?

— Как во что? — удивился Архипкин. — В костюме.

— Это я понимаю... Какого цвета костюм? Старый или новый? В галстук? Или нет?

— Вот напасть-то, — вздохнул Архипкин, — ну, ей-бо, как отшибло...

— Шрама на лице не было?

— Шрама не было. Рука у него, правда, беспалая. То ли одного нет пальца, то ли двух — это я заприметил.

— Вот это уже важно. Он вам что-нибудь говорил?

— Ничего не говорил. Только сначала шепнул, мол, мужчина, подмоги...

— Как?! «Мужчина»?

— Или «мужчина», или «человек», точно сказать не могу.

— Если сказал «человек» — значит, украинец, — заметил Дулов.

— Не обязательно, — возразил Славин. — Мой друг, чистокровный русский, воронежец, обычно говорит, обращаясь к друзьям: «человек», «человеке»... Голос какой? Испитой? Хриплый? Или нормальный?

— Хриплый голос, это вот точно, хриплый...

— А приметы так и не можете припомнить?

— Ей-бо, не могу, зачем зазря в грех вас вводить?

...Славин вернулся в кабинет, обложился справочниками: он искал бары, где играли в бильярд, особенно в районе вокзала. Нашел четыре: «Веселые козлята», «Неаполь», «Каса бланка» и «Лас Вегас».

Потом снова пригласил Архипкина.

— Олег Карпович, — спросил Славин, — вы в бильярд умеете играть?

— Плохо. С шоферами, бывало, погоняешь, шутики ради...

— Придется вам со мною поиграть.

— Да у нас не стол, а смехота одна.

— Мы с вами не в посольстве будем играть. В городе.

— Так в городе бильярды только в вертепах, нас упреждали...

— Вдвоем не страшно, — сказал Славин, подмигнув Архипкину. — Как, Олег Карпович?

— Если надо, значит, надо, — степенно ответил тот.

— Теперь вот что, — продолжил Славин, — мы с вами будем искать «беспалого». Но, быть может, нам повстречается другой русский, я вам его покажу. Поговорите с ним, ладно?

— Не советский? — спросил Архипкин.

— Эмигрант. Власовец, — ответил Славин.

— Я с таким псом и говорить-то не стану. Душить его надо, я супротив их дрался в Бреслау, ну нелюди, ну зверье...

— Если мы найдем «беспалого», тогда все в порядке, а если надо к нему подкрадываться, тогда, боюсь, придется вам поговорить с тем как раз власовцем, который стоял против нас именно во Вроцлаве... Не судите только всех эмигрантов одним судом, Олег Карпович. Один добровольно продался немцам, сам к Власову пошел, а сотню-то принудили... Все понимаю, вы правы, оправдать такое невозможно, но и среди них есть разные люди.

— Это мне умом понятно, только сердце у меня есть. Во Вроцлаве этом самом моего меньшого брата-на власовы постреляли...

В «Веселых козлятах» было шумно и многолюдно, играли здесь плохо, больше куражились, ставки были низкие, три доллара, «беспалый» не появлялся.

Архипкин проиграл Славину три партии всухую, рука его заметно дрожала, когда он бил по шару; часто мазал, смотрел по сторонам настороженно.

Когда верткий официант, бегавший с подносом между столами, принес пиво, Славин спросил:

— А Хренов когда придет?

— Он теперь у нас не играет, сэр. Он играет в «Лас Вегасе» или в баре «Гонконг». Чаше в «Гонконге», китайцы привезли прекрасные столы, там собираются самые лучшие игроки, ставки до ста долларов...

...В «Лас Вегасе», потолкавшись вокруг столов, — игроки были высокого класса, тишина стояла в зале, — Славин пригласил Архипкина к стойке, заказал «хайбол». Рука у Архипкина дрожала по-прежнему, коктейль пил с недоуменным отвращением, то и дело оглядывался.

— По уху врезать сможете? — улыбнулся Славин. — Руки-то вон какие крепкие. Чего ж тогда боитесь?

— Непривычно как-то, — ответил тот, — вертепства не люблю, я ж деревенский, нам это против сердца.

— Слово такое слышали — «надо»?

— Это я понимаю, а все одно не в своей тарелке.

Славин обратился к бармену:

— А когда придут самые хорошие игроки?

— У нас бывает только один по-настоящему хороший игрок, сэр. Мистер Хренов, «от двух бортов в середину», классный игрок.

— Но он ведь сейчас в «Гонконге»...

— Видимо, там, сэр. Хотя он играет и здесь, довольно часто играет, но в последнее время начал посещать «Гонконг».

— Что, лучше столы?

— Нет, сэр, там дешевле еда. Китайцы продают пищу по бросовым ценам, им же все привозят из Пекина. Мы ничего не можем с ними поделаться, они хотят нас разорить. Алкоголь, правда, у них стоит столько же, снабжают бельгийцы, нам приходится снижать цены на коктейли, иначе вылетим в трубу...

...В «Гонконге» бармен сразу же указал Славину на Хренова. Тот играл мастерски, неторопливо, засучив рукава; играл, как настоящий жук, дразнил партнера, говорил по-английски с ужасным акцентом:

— Целься, целься лучше, Джон! Рукой не егози, а то обыграю! Деньги-то приготовил? Или к жене бежишь просить?

Славин сел за бар — Хренов был виден ему в зеркале.

— Наблюдайте за ним, — шепнул он Архипкину. — Потом подойдите, предложите сыграть.

— Ох, господи, — выдохнул Архипкин, — у меня аж все молотит внутри... Может, жахнуть для храбрости?

— «Хайбол»?

— Да нет, водки б лучше.

— У них дрянная водка, «Смирноф», сладкая она. Виски хотите?

— Давайте, сто грамм приму.

Славин заказал двойную порцию, Архипкин выпил, подышал орешком, крикнул, слез с высокого стула и отправился к столу, на котором играл «от двух бортов в середину».

— Слышь, — сказал Архипкин, — сыграем, что ль? На пять рубл... долларов...

Хренов резко обернулся, отступил, сразу же полез за сигаретой.

— Ты — кто? — спросил хрипло.

— Садовник.

— Откуда?

— Посольский...

— Красный, значит?

— Какой же еще... Конечно, красный...

— Меня откуда знаешь?

— А я тебя и не знаю вовсе... Бармен сказал, что ты русский, ну я и подошел, я ж по-ихнему-то не умею.

— погоди, я сейчас этого приложу.

Хренов вернулся к столу и пятью ударами закончил партию — играл профессионально, раньше-то куражился, понял Славин, заманивал партнера, давал шанс. Получил двадцать пять долларов, сунул в карман рубашки:

— Играешь-то хорошо? Или, может, поговорим? Впервые красного вижу, после войны ни разу не встречал.

— Нашкодил небось, вот и шарахался.

— Это было, — мазанув лицо Архипкина цепким взглядом, ответил Хренов. — Пойдем, за столиком посидим, я угощаю.